
Георгий ПАНКРАТОВ

ШАМОРА-ВАВА-ЗАВЕРТОН: о поездке во Владивосток на фестиваль «Печатный двор» от АСПИР

Я думал: если человек, живущий в европейской части России, вдруг перелетит во Владивосток и умрет там, он умрет на семь часов позже своего привычного времени, при определенных обстоятельствах — в следующем дне. Вот как получится: семь лишних часов, которых на самом деле не было, окажутся приписанными к жизни. Как будто кусок времени вырван и склеены два фрагмента — вся жизнь и ее конец. Тогда как человек из Владивостока, случись с ним такое в Москве, напротив, проживет лишние часы, которые никак не будут зафиксированы. Тогда это можно рассматривать как некий бонус, «невошедшее».

Я стою, скрючившись, возле какого-то дерева, меня мелко трясет, и со лба градом льет пот. Я никак не могу прийти в себя, и кажется, что я вот-вот и умру. Едва становится легче, я поднимаю голову и вижу сияющее прозрачной ясностью бесконечное море. Вдалеке стоят корабли, нанизанные на ниточку горизонта, с одного края город, с другого — сопки, словно в дизайнерской программе, наложенные друг на друга в несколько слоев. «Адаптация к часовому поясу», — скажут мне в одной аптеке. «Переели морепродуктов», — предположат в другой. «То же и у господина К.» (второго автора, отправившегося в ту же самую поездку от писательской организации), — поведаёт мисс Х., сопровождавшая нас обоих. Через полчаса мы сидим все трое за квадратным столом переговорной ДМУ. Форма стола определяет и формат беседы. Потряхивает, холодно.

— Зачем вы приехали во Владивосток? — спрашивают нас в лоб представители местных союзов. — Что вам здесь нужно?

— Владивосток не закрытый город. Сюда вроде можно приезжать.

Георгий Панкратов родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Публикации: «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и проч. Автор нескольких книг прозы и одной документальной. Участник длинного списка премии «Большая книга» (2020, 2022). Лауреат премии им. Гоголя (2023) и конкурса рассказа им. Короленко (2022). Победитель Первой Всероссийской литературной мастерской Ассоциации союзов писателей и издателей (2022).

Позже я узнаю, что в городе есть объект «Кровать примирения». Возможно, встрече стоило бы провести где-то вблизи него. Несмотря на некоторые здравые мысли и вопросы собравшихся, полноценно ответить на них, чтобы в итоге «примириться», нет никакой возможности. Организаторы отводят для встречи всего тридцать минут, которых едва хватает, чтобы высказать все претензии к злостному литературному процессу, воплощением которого, к собственному удивлению, оказываюсь и я, но никак не услышать ответы.

О примирении говорят и на морской экскурсии. Владивосток — город мостов, по модели одного из них, с учетом опыта и технологий, строили Крымский мост. «Наступит время, — говорит экскурсовод, — и построят самый большой мост в мире между Россией и США через Берингов пролив — Золотой мост мира, и, может быть, тогда действительно везде наступит мир». Самый известный (за пределами города, разумеется) мост — на остров Русский. «Если вы попадете в место, где все вокруг с вами здороваются, хотя при этом не знают, значит, вы на острове Русский». На остров Русский еду на такси — посмотреть форт Поспелова. «Осторожно, змеи», — предупреждает табличка на входе, чем изрядно портит впечатление от прогулки. С форта Поспелова потрясающие виды на город, мост, Уссурийский залив. Но само место мрачное. Кроме меня, на форте Поспелова матросы — человек шестьдесят, их заводят внутрь, показывают казармы, пороховые склады более чем столетней давности. «Дельный риэлтор, хорошо рассказывает», — шутит матрос. В одном из помещений мрачный черный куб, что наводит на мысли об оккультизме; нет, ничего такого — здесь те в далекие годы набирали воду.

Военные страницы, флот, город на возвышенностях — все это напоминает мне о Севастополе. Многие говорили, что города похожи — и одной из целей моей поездки было понять, так это или нет.

Расположение гостиницы, где я живу, намекает на сходство. В Севастополе есть лестница от Главпочтамта на Центральный холм. Слева от нее — Главпочтамт, справа — торговый центр, построенный в девяностых годах. По этой лестнице, будучи школьником, я поднимался домой, поворачивал налево и шел несколько метров до дома. Здесь, в самом центре Владивостока — такая же лестница. Слева — главное отделение почты. Справа — современный торговый центр (тоже непохожий на новострой, но и очевидно нессоветский). Поднимаюсь по лестнице, сворачиваю налево — и через минуту я в гостинице.

Уютные дворики с видами бухты между домами — тоже вид вполне севастопольский, разве что вместо молдов — мост. Аренда квартиры в таких домах (вполне себе вторичное, даже третичное жилье) дороже, чем московская. Владивосток вообще дорогой город; но можно поселиться и в дальних районах — в городе, где можно прийти к морю, думается, нельзя быть несчастным, где бы ты ни жил.

Изогнутые платформы вокзала и тоннель на выезде из него — тоже сходство. Обилие лестниц — здесь все очевидно, многие подъемы куда круче севастопольских. Но различий все-таки больше, и в какой-то момент кажется, что сравнение этих городов или вообще не имеет смысла, или имело таковой когда-то давно. Стена лестницы с крабами и прочими морскими жителями на улице Столетия Владивостока чем-то напоминает севастопольский подъем на Генерала Октябрьского, ну и все. Владивосток масштабнее, выше, плотнее, ярче и динамичнее. Богаче, в конце концов. Он производит впечатление «Москвы на море» — когда-то я был уверен, что будь столица морским городом, она была бы лучшей на свете. Именно здесь, максимально далеко от столицы, мне удастся увидеть черты такого города — чтобы понять его, нужно прожить здесь дольше, но очертания вполне симпатичны. Не думаю, что в нашей стране есть

другой такой город, и, возможно, будь Севастополь в составе России всегда, он вполне мог бы к 2023 году выглядеть так — или похоже; к тому же Севастополю тоже ох как не хватает моста. С другой стороны, и ценил я Севастополь всегда за его уют, за малоэтажность, за застывшую красоту, и вряд ли хотел бы видеть в нем «Владивосток-2». Хорошо, что в России есть и Севастополь, и Владивосток. Пусть они будут разными.

Ровными, перпендикулярными улицами Владивосток напоминает не только Севастополь. Здесь и что-то сибирское, и петербургское, и московское, и даже — неожиданно — нижегородское. Остановка «Серая лошадь» — в самом центре двух таких разных и, казалось, ничем не связанных городов, как Владивосток и Нижний Новгород. Одна из легенд, связанных с владивостокской «Серой лошадью», отсылает к Кронштадту: «В начале двадцатого века в одном из торцов дома 17 располагалась столовая. В ней продавали пиво, и местные моряки часто заглядывали сюда выпить кружку-другую. Эту столовую они ностальгически окрестили „Серой лошадью“ в честь носившего такое название знаменитого питейного заведения, которое они посещали в далеком Кронштадте. Постепенно „Серой лошадью“ стали звать забегаловку Владивостока не только моряки, но и все местные жители».

Любопытно, что нижегородская «Серая лошадь» тоже связана с кабаком: «В шестидесятые годы на советский киноэкран хлынули фильмы о ковбоях. „Великолепная семерка“ был одним из любимых молодежных фильмов. И неудивительно, что студенты прозвали свою столовую „Серая лошадь“, потому что так назывался кабак в этом фильме» (обе цитаты из открытых источников).

Другое сходство с Нижним — фуникулер. Все знают, что эта уникальная транспортная система существует сейчас только во Владивостоке, но задолго до этого она функционировала в Нижнем Новгороде. Сейчас нижегородский фуникулер восстанавливают, и вскоре этот вид транспорта перестанет быть «фишкой» Владивостока. Все места, где я жил или бывал, остаются в моем сердце, и, несомненно, останется в нем Владивосток — единственный город, в котором я узнал черты всех других.

Мысль покажется дикой, но Владивосток похож даже на Ульяновск, где я живу сейчас. Бескрайняя Волга здесь похожа на океан (в некоторых местах области расстояние между двумя берегами — сорок километров, а высота волны порой достигает четырех метров), за что я так и называю ее — Волжский океан. Если смотреть с набережной Ульяновска, то и противоположный берег, и отдаленные места области — те же владивостокские сопки.

Владивостокский фуникулер — два вертикальных вагончика (с рядами сидений друг над другом) на тросах, каждые десять минут идущих «от моря к небу и обратно» (как написано на транспаранте на верхней станции). Кондуктор открывает двери снизу, закрывает сверху или наоборот, в зависимости от маршрута. Поездка длится полторы минуты. Из окна вся бухта словно на ладони — непередаваемая красота. «А где они ночью стоят, в каком-то депо?» — спрашивает молодая мама. «А что, до моря не можем доехать?» — недоумевает парочка. Нижняя станция фуникулера и вправду спрятана, ее надо искать по карте.

От верхней станции фуникулера идет проспект Красоты — отсюда дивный вид на город и мост, недавно открыли парк. Добредаю до ларька с горячей едой, к своему счастью, вижу куриный бульон с лапшой — то, что сейчас нужно. Стаканчик с куриным бульоном не купишь на улице даже в Москве. Любуюсь видом, осторожно пью — действительно красота. В креативе названий на смену ушедшим брендам Владивосток зашел еще дальше, чем столица, — «Еда и точка», так называется местная сеть фаст-фуда: вкусно не вкусно, как будто уже и неважно. Но вкусно. Неожиданную точку

Владивосток ставит и в другом, далеком от здешних мест, споре: шаверма или шаурма. Здесь этот продукт называется просто и стильно — завертон. Слово, идеально попадающее во все слои населения — в нем можно расслышать отзвуки как чего-то утонченного, так и грубовато-приблатненного. Местные завертоны — с крабом, гребешком, иногда и с японскими водорослями. Помимо завертона, популярен бртуч — почти то же самое, но армянское. Армянской кухни в городе много, вывески «Арагат» на берегах Амурского и Уссурийского заливов выглядят как обязательная реклама во время увлекательного шоу.

Одна из местных кулинарных достопримечательностей — кексы «Вава» с ванильной начинкой. Их насыпают в небольшой кулечек по десять штук, жители покупают их в подземном переходе. Состав теста держится в секрете. Другая городская фишка — напиток газированный «Элеутерококк». Само растение отмечено «Мумий Троллем»; для простого слушателя типичный поток сознания Лагутенко, для жителя Владивостока — частица местной реальности:

Тени скользят цветом багульник,
Утренний сок — элеутерококк.

Незнакомый с родным городом Лагутенко слушатель даже не представляет, сколько в его песнях, причем далеко не только ранних, деталей из городской топонимики. Например, сайд-проект «Горностай» назван так в честь прославленной городской свалки в одноименной бухте. Но, конечно, загадочное слово «Шамора» массовому слушателю известно больше — так называется то ли место в бухте Лазурная, то ли сама бухта Лазурная. Ни одного указателя «Шамора» в этом месте нет, кроме отеля «Скала любви Шамора», но все же это оно. Песчаный пляж в уютной бухте — одно из самых красивых мест подобного плана, где мне доводилось быть.

Неподалеку от Шаморы другая достопримечательность — бухта Стеклованная, вся усыпанная битыми стеклами и керамикой, обработанной за много лет морем, отчего побережье приобретает зеленый цвет, особенно в ярком солнце. Таких бухт всего две в мире, читаю в Интернете: «Местные жители строят догадки и сочиняют легенды о том, как она образовалась». При том, что свалка, которой бухта и обязана своей уникальностью, просуществовала здесь с середины прошлого века до начала 2010-х, когда ее ликвидировали в преддверии крупного саммита. Неужели нет очевидцев и свидетелей? — недоумеваю я. Почему столько версий, когда и возникла она не в глубокой древности, и исчезла по историческим меркам только что? Рядом со мной китайцы рыщут в песке, взрослая девушка в форме лицеистки, чья внешность напоминает о фильме «Звонок», разглядывает найденную стекляшку.

«Китайцы тащат стекла из бухты мешками», — пишет Интернет. Зачем? Опять только догадки. У меня нет ни одной.

«Китайцы более грубые, они не могут понять красоту. Только самую грубую, поверхностную. А японцы смотрят в глубину». Это не мои размышления — говорю с продавцом сувенирной лавки.

В гостинице, где я живу, большинство постояльцев — китайцы. Ночью они не спят, ходят по коридорам, заглядывают поочередно во все номера, орут. Это выглядит не как поход в гости — как бесконечное хаотичное перемещение. Японцев в городе встретишь нечасто — в основном женщин: они гуляют, сидят на пляжах в цветастых нарядах под яркими розовыми или фиолетовыми зонтиками. Многие из них — пенсионерки, и кажется, им ничего не надо, они счастливы, довольны собой, городом, жизнью.

Морских звезд в магазине нет. Их вылавливал и делал на продажу один известный местный мастер; недавно он умер. Звезд недостаточно собрать — нужно выпотрошить, засушить, обработать. Туристы достают их прямо из воды и тащат в аэропорты, где те начинают тухнуть, распространяя вокруг мерзкий запах. «Неужели на весь город был только один человек, который занимался таким промыслом?» — я слегка удивляюсь.

За звездами отправляюсь на маяк Токаревского — главную местную достопримечательность. В конце Токаревской кошки (то есть косы) нужно закатать джинсы и минут десять идти по морю. Люди на этой морской тропе разделяются на два потока: одни непрерывно фоткаются с маяком, другие отправляются к нему, чтобы на фотках засветиться фоном. Избранные взирают на это движение, сидя на немногочисленных здесь скамейках. Уже со спины узнаю господина К. и мисс Х. Увидев меня, они встают и уходят.

Первую звезду я подмечаю издали — она яркая, с красным узором на черной спинке. Я вынимаю ее из воды, несколько раз фоткаю и вдруг вижу, что спинка синее, а края звезды заворачиваются. Бросаю обратно и остальных уже снимаю через слой воды. Звезды разных цветов и форм; я радуюсь им, как ребенок: оказывается, и на нынешнем этапе моей жизни еще возможны классные открытия. Еще год, и я приму участие в премии «Антоновка», прекрасная литературная судьба.

«Звезду нельзя брать в руки, — читаю, по пояс мокрый: как назло, мимо проехал катер. — Она может жить без воды максимум три минуты». Мне хочется надеяться, что та звезда придет в себя. Но участь тех, что попадают туристам, следующим по морской тропе к маяку, незавидна — туристы хватают их без разбора, распахивают по карманам. И только совсем юный мальчишка зашвыривает их подальше в море. Его друг тоже изображает деятельность, но без энтузиазма. «Надо спасать их», — говорит мальчик, повернувшись ко мне. У мальчика красивая мама, у красивой мамы хороший сын.

Автобусная экскурсия на крохотной маршрутке, чтобы увидеть что-то в окнах, нужно согнуться в три погибели. Тут и там мелькают тигры. «Динамо Владивосток» играет в кубке России, побеждает 2:0, игру можно смотреть из-за забора; подают угловой. Проблема города — пробки, бесконечные и изнуряющие. Весь город стоит. И этим Владивосток тоже напоминает Севастополь с 2014 года, по крайней мере, до недавних событий. Улицы старого города просто не предназначены для такого потока машин. «Владивостокская агломерация должна развиваться на принципах полицентричности», — читаю в газете «Дальневосточные ведомости»; буквально в эти дни в городе обсуждается новый транспортный план.

Все-таки самая отчетливая разница между Владивостоком и Севастополем сегодня — сюда не долетают ракеты. Ничего не угрожает ни жителям, ни флоту — хотя Дом офицеров, говорит экскурсовод, все чаще используют (уже почти что превратился) в похоронный зал. Мы идем к триумфальной арке цесаревича Николая. Есть примета, говорит экскурсовод, что если под аркой загадать желание, оно обязательно сбудется. Сюда приходят молодожены, загадывая семейное счастье, но я, проходя вместе с группой под сводами, загадываю мир моему Севастополю. Сейчас, так далеко от моего города, думать о чем-то другом и желать чего-то другого не получается. За моей спиной — музей-подлодка С-56, самая результативная советская подводная лодка в Великой Отечественной войне по количеству потопленных целей. Пройдя всю войну, она вернулась непобежденной и служила еще тридцать лет. И именно здесь, во Владивостоке, жила Катюша из знаменитой песни о дальнем пограничье. У обоих городов пусть и разные, но героические судьбы.

Открытие форума, формат которого так и останется для меня загадкой (литературная составляющая оказалась на нем глубоко периферийной), пропитано сосредоточенной торжественной серьезностью. Со сцены звучит: то, к чему все готовятся, уже вовсю идет. Звучит не как открытие, а как будничное напоминание. Здесь, вдали от СВО, это выглядит мощно: здесь не просто понимают то, что никак не хотят понять ближе к центру страны, а вовсю работают.

Я попал на фестиваль с автофикшн-повестью о том, что завершаю с литературой. За повесть о том, «как мне не дали премию», за пару дней до поездки мне вручили премию Гоголя. «Вы сыны Гоголя» — эта ироничная фраза произносилась без тени иронии, и я не знал, что сказать. Все сосредоточенно пили и жевали колбасу. Ну вот, теперь и я лауреат. А вакантное место восточной мечты займет Сахалин. Значит, буду прощаться с литературой снова?

Встреча с читателями заканчивается, подписываю книги. Выцарапываю буквы, протягиваю экземпляр. Читательница, бодрая женщина, чем-то похожая на мою первую учительницу, берет меня за руки:

— Но вы запомните одно: вы — не долгожитель. Торопитесь жить!